

КТО ЖЕ ОН ТАКОЙ—

Источник: Кто же он такой – Юрий Рыльников? : читатели и критики об «Апостольской командировке» В. Тендрякова // Наука и религия. – 1970. – № 12. – С. 78-81.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ЧИТАТЕЛИ И КРИТИКИ

Трудно назвать другое литературное произведение, опубликованное на страницах нашего журнала за последние годы, которое вызвало бы такой острый, живой интерес у читателя, как «Апостольская командировка» Владимира Тендрякова, напечатанная в 8—10-м номерах прошлого года. На публикацию эту отозвались люди разных профессий; возрастов, очень разные по своим взглядам на религию — и, естественно, полного единодушия в оценках повести тут быть не могло. И все-таки следует отметить определенное единство мнений, высказанное в письмах верующих. Поразному оценивая повесть, обращая внимание на те или иные эпизоды, разбирая характеры действующих лиц, верующие читатели считают повесть атеистической и даже упрекают автора в предвзятости.

Напротив, в откликах атеистов есть две противоположные точки зрения. Одни считают повесть полезной делу атеистической пропаганды, другие — их, правда, меньшинство — считают, что журнал зря предоставил свои страницы для публикации этого произведения.

Интересно также отметить: не сразу вырабатывались суждения читателей о повести, не сразу был вынесен ей окончательный «приговор». После того как была напечатана первая часть произведения, в редакцию пришло несколько писем от верующих. Авторы их горячо поддерживали В. Тендрякова, будто бы с полным сочувствием рисуящую духовную эволюцию «богоискателя» Юрия Рыльникова. Однако, после того как вышел в свет десятый номер журнала, восторги такого рода сменились прямым несогласием с позицией писателя. Так, 67-летняя Е. Арсенова пишет: «Я радовалась за Юру Рыльникова, который хотел найти божескую правду. Но он ее не нашел и вернулся в Москву, к жене».

Недвусмысленный идейный финал произведения, его атеистическая направленность вызвали в письмах некоторых верующих резкий полемический тон. Например, верующий Кузнецов упрекает редакцию в некой «тенденциозности»: «Под внешней формой объективности ваша повесть утонченно выдает ее отсутствие. Ясно чувствуется ее воинствующая атеистическая направленность против религии». Читатель Кузнецов, на наш взгляд, несколько упрощенно толкует проблему художественной тенденции, но это не мешает ему быть по-своему правым...

Отрадно отметить, что многие читатели, как бы заочно оспаривая мнение об «Апостольской командировке» как о произведении художественно одноплановом, сугубо публицистическом, делаясь своей эстетической радостью, говорят о живом нравственном опыте, приобретенном при знакомстве с повестью.

Однако новая повесть В. Тендрякова рождает не

только непосредственный эмоциональный отклик, но и желание сопоставить свою судьбу с судьбой главного героя повести, поделиться личным, наболевшим. Произведение писателя — можно отчетливо это видеть — вызывает на откровенный, доверительный разговор, помогает читателям живее осознать то, о чем думалось многие годы, — свои сомнения, духовные поиски. За строками писем открывается целая полоса жизни, страстное, исповедальное размышление.

Вот что говорит о себе И. Волкова из Донецка: «Жизнь моя обыкновенная. 1941 год, война, голод, мне было 6 лет. Училась в школе, в техникуме. С 1957 года работаю на заводе конструктором. Работы разные — трудные и легкие, но во всем интересные. Я люблю петь, танцевать, рисовать. Люблю книги, спорт, театр... Я не жалею, что не стала артисткой, наездницей, геологом, капитаном корабля. В 24 года вышла замуж и в 1968 году окончила строительный вечерний институт... Я прочитала вашу повесть «Апостольская командировка», и я увидела смятение в душе человека столь глубокое, не похожее на мое, но близкое мне. Когда я была ребенком, отчим пил и было всякое, но школа, комсомол сделали меня человеком, и я благодарна моим учителям. Я завидую вашему герою, что он пришел к ясным убеждениям...» Что ж — хорошая эта зависть, и можно только пожелать автору этих строк, чтобы она оказалась нравственно плодотворной...

Множество частных соображений высказывается в письмах наших читателей, много вопросов, рекомендаций автору повести и редакции, оценок идейной позиции едва ли не всех персонажей произведения, но все-таки главный интерес вызывает Юрий Рыльников, главный спор завязывается вокруг его духовных исканий. Кто же он, этот молодой человек, просвещенный современным знанием, пролагавший успешно свой путь в творчестве, удовлетворенный, казалось бы, семейным счастьем — и так неожиданно, странно и резко выломившийся в сторону, к богу?.. Что толкнуло его на этот шаг, что определило затем довольно быстрое возвращение «домой», к привычным и нормальным понятиям?..

Читатели, а вместе с ними и литературные критики (их выступления дополняют общую картину читательского восприятия) дают непохожие, различные объяснения этой странной духовной «болезни», дают многие толкования ее хода и излечения. Скажем, один из священнослужителей написал нам, что чувствует себя едва ли не «прототипом Юрия Рыльникова», хотя сам определяет резкое отличие двух жизненных путей: «Моя «апостольская командировка» продолжается уже более двадцати лет и, видимо, будет продол-

ЮРИЙ РЫЛЬНИКОВ?

ОБ «АПОСТОЛЬСКОЙ КОМАНДИРОВКЕ» В. ТЕНДРЯКОВА

жаться всю жизнь». Этот читатель считает главным, если не единственным, мотивом поступка Юрия Рыльникова «личную жизнь», а отнюдь «не гнетущее влияние космических миров». А вот С. Шемшединов вообще начисто отрицает сам факт прихода героя «Апостольской командировки» к вере (примечательно, между прочим, что автор этого письма как бы дублирует своим опытом схему обращения Рыльникова: в 28 лет он принял бога). Свою мысль он разъясняет так: «Ваш герой не мог стать верующим. Что отличает верующего от просто человека? На низших фазах веры — фанатизм. На более высокой — умиление. На еще более высокой — откровение благодати. Рациональных проблем для верующих нет». Интеллектуальное начало в мировоззренческих поисках Рыльникова явным образом чуждо С. Шемшединову.

Среди писем есть и такие (их, впрочем, единицы), в которых меньше всего заметно искреннее желание разобраться в идеях «Апостольской командировки», в них выступает явное намерение «побичевать» героя повести, а заодно с ним и автора, высказаться «покрепче». И. Абрамович из Муромца, осудив журнал за публикацию произведения В. Тендрякова, пишет: «Бывший учитель так увлекся темой, что незаметно для автора она его завлекла в свои религиозные сети». Тут многое непонятно, ибо учителя в повести нет, а сам автор никогда учителем не был.

З. Халиуллин из г. Зеленодольска высказывается более пространно: «Зачем вы опубликовали повесть В. Ф. Тендрякова «Апостольская командировка»? Что она дает верующим и атеистам? Есть ли Рыльниковы в жизни? Кому адресует автор свою повесть?».

Очень жаль, что, высказывая осуждение журналу за публикацию повести, авторы этих двух писем не затруднили себя сколько-нибудь серьезной аргументацией. Мы были бы благодарны за это.

Большой круг идей, касающихся «Апостольской командировки» и прежде всего ее главного героя, намекают печатные выступления. Собралось их уже несколько, и, полагаем, что это еще не окончание плодотворного разговора о новом произведении В. Тендрякова.

Рецензию на «Апостольскую командировку» поместила на своих страницах 3 декабря 1969 года «Литературная газета». Автор выступления В. Марков говорил о вдумчивом художественном исследовании «той интеллектуальной и нравственно-эмоциональной ущербности, которая нарушает цельность духовного облика, обесценивает даже значительный, но дисгармоничный запас современных знаний, а в области нравственный оборачивается погранием реальных требований морали во имя надуманных, иллюзорных абсолютов... Влади-

мир Тендряков обнажает причины удивительного в наш век, но модного в буржуазных странах явления «интеллигентской религии», которое нет-нет, да и мелькнет и у нас, каким бы чужеродным в нашем обществе, а оттого и уникальным, оно ни выглядело». В. Марков подчеркнул, что не часто и далеко не многие писатели обращаются к атеистической тематике, а В. Тендряков уже давно, с «Чудотворной», сосредоточился на ней, и потому «незначительное, в общем-то, явление Юрия Рыльникова народу» под пером серьезного, пытливого художника стало важным итогом... интересного исследования современной религиозности».

«Литературная газета» коснулась повести В. Тендрякова еще раз — в статье Ф. Кузнецова (24 июня 1970 г.). Отмечая отдельные художественные просчеты в «Апостольской командировке», критик видит ее плодотворный пафос в нравственно-философском подходе писателя к сложным явлениям действительности, в исследовании современных корней «богоискательства» и «богостроительства», в утверждении истинности земных, социалистических духовных ценностей.

Своеобразную форму диалога с героем произведения В. Тендрякова избрал в своей статье Ф. Левин («Литературная Россия», 24 июля 1970 г.). Ф. Левин оспаривает тезис за тезисом, выдвинутые Рыльниковым, схватывается с ним, как с живым, всамделишным недругом. Более всего не по сердцу критику то, что обращение к богу «снимает необходимость размышления, познания закономерностей мира». А «Вы, — это прямое обращение к Ю. Рыльникову, — избавились от вопросов, передоверив богу их решение, переадресовав их, но не решив». Вся эта горячая полемика не мешает, разумеется, критику разграничивать позицию литературного героя и позицию создателя произведения. Итог рецензии Ф. Левина недвусмыслен: «Просчеты и ошибки автора не должны заслонять от нас его тревоги о том, что иные люди обращаются к религии, его размышлений над тем, как образуется «вакуум» в душе, куда проникает вера, как на почве науки и разума выработать и укрепить в людях высокий нравственный идеал. Речь идет о духовной атмосфере нашего социалистического общества, о взаимоотношениях людей... «Живи, чтобы жить!». Если сделать эту формулу своим руководящим принципом, то тогда «все вцепятся в глотку друг другу», говорит писатель, и он прав. Жить осмысленно, думать, искать, биться ради высоких идей — только такая жизнь достойна человека».

«Туда и обратно» — так названа рецензия на «Апостольскую командировку», помещенная в «Известиях» 26 июня текущего года. Точнее говоря, это все-таки не совсем рецензия, а скорее особый жанр — жанр,

наверное, философского арбитража. Автор, доктор философских наук И. А. Кривелев, поставил перед собой задачу разобрать идейное содержание повести В. Тендрякова, отвечая на «недоумения» читателей газеты (имена их, правда, остаются неизвестными, равно как и характер «недоумений»). Заметим попутно, что И. А. Кривелев почему-то обошел молчанием и выступления прессы.

Многое не нравится И. А. Кривелеву в «Апостольской командировке», а вернее сказать — все. Нехорош Юрий Рыльников — он сродни «мистикам и мракобесам», таким, как Мережковский, всяческого рода «апологетам религии» да и вообще, кажется, человек психически больной. Дурно поступил и писатель, который своего героя старается представить «умным и образованным», а между тем заставляет повторять разные «обскурантистские фокусы и не только не развешивает их, а, наоборот, подает, можно сказать, всерьез». Автор статьи усматривает в рассуждениях Рыльникова о соотношении духовного и материального «знакомые черты определенной социально-экономической концепции», разумеется, вредной, хотя и не названной почему-то.

Нельзя не разделить воинствующего авторского пафоса, направленного против мракобесов, яростных апологетов религии, против социально-экономической концепции, предлагающей народу утопии вместо квартир и мяса; тут спору быть не может. Но нельзя не видеть, как стремление рецензента разоблачить героя, так сказать сорвать с него маску, уводит его весьма далеко от художественного текста повести. И. А. Кривелев выдвигает жесткую систему формул и формулировок, оценок и отметок. Вместо проникновения в ткань художественного произведения автор рецензии придумал собственную схему, с которой весьма успешно борется. Да, именно так: «Пространно и старательно, с претензиями на неопровержимую логичность, воспроизводятся в повести аргументы в пользу бытия бога и истинности религии, находящиеся на вооружении ее апологетов с давних времен и до наших дней. И чрезвычайно скупо, обрывочно, неубедительно дана контраргументация»: У И. А. Кривелева это не обмолвка: «Процесс превращения атеиста в верующего...» Значит, три недели назад был «атеист», теперь «верующий», затем снова «атеист» (с помощью аргументации и контраргументации). Напиши некто повесть по этой нехитрой схеме, читать ее просто не стоило бы. Но если читать произведение В. Тендрякова не предвзятю, то нельзя не увидеть: герой его никогда понастоящему верующим так и не становится.

Попробуем спокойно присмотреться к наклонностям Юрия Андреевича Рыльникова, поступкам, понять его чувства и мысли — всю его рассудочную и эмоциональную аргументацию.

Начнем с исходного, с первоотчетка, с того момента, когда герой обостренно-мнительно начинает воспринимать свой комфортабельный быт, ощущая в нем нечто заставляющее. Юрий Рыльников не строит никакой глобальной концепции, он только перед собой, в единственном, так сказать, числе, только для себя ставит вопрос: к чему стремиться дальше, если он в се получил, чего жаждать, если в мелочной суетности достигнутого растворяется идея — главная идея твоего бытия. Ты сыт, отграничен от мира плоскостями своей комфортабельной квартирки — и нет тебе надобности испытывать сильные желания, стремиться жить полной духовной жизнью. Легко расценить все это как пустой софизм, логическую непоследовательность или даже начинающуюся психическую болезнь. Оперировав формальными категориями, на этих выводах можно и застрять. При этом, однако, ускользнет оттенок: мы имеем дело с человеком не «большим», а легко воз-

будимым и страстно ищущим. Может ли писатель избрать себе такого героя? Вправе ли он это сделать?

О том, насколько в праве, напоминает читательница нашего журнала Е. Корсакевич: «Для примера можно указать украинского писателя Квитку-Основаенко. Квитка был из помещиков, однако в молодости ушел в монастырь и в роли послушника рьяно выполнял все монашеские нагрузки. Но однажды, когда он прохдид по улице в своем монастырском подряснике, сопровождая воз с поклажей, личные мальчишки стали насмехаться над ним и кричать ему вслед: «Квитка — монах, Квитка — монах». И Квитка вдруг неожиданно, махнув рукой, ушел совсем домой, оставив на дороге воз с поклажей. Видимо, еще ранее у Квитки созрел уже протест против того пути, который, как он думал раньше, был идеальным. Читая повесть Тендрякова, получаешь пищу для ума и услаждаешься прелестью его талантливого письма. Рыльников — натура незаурядная, ищущая; пришел момент, когда человеку надо было оторваться от привычной обстановки и поискать вокруг себя и в себе самом того идеально прекрасного мира (бога), о котором он тосковал».

Странные заблуждения странных людей... Но забудь о существовании их Горький, Чехов или Достоевский, и они лишились бы половины своих героев. То, что поиски «идеально прекрасного мира» становятся для Рыльникова шатким путем к богу, — свидетельство экзальтированной взвинченности его психики. Однако и этой, уже более узкой «категорией» характер молодого человека и нашего современника опять не перекрывается. натура его сложнее, богаче, в ней сильно представлено рациональное, разумное начало. Поиски Рыльникова сопровождаются непрекращающимися сомнениями — они-то и останавливают его на полпути к богу. Знание или вера? Что изъяснит мне смысл моего существования? Что растолкует истину присутствия на земле этого крохотного «я»? Вопрос этот глухо и упрямо нарастает в душе Юрия — он приходит к идее тщетности познания: ведь первопричина, «самое главное» остается и останется, как ему кажется, за пределами науки.

Однако самое примечательное, что и в этой новой для себя идее герой никак не может утвердиться окончательно. Он и здесь не может избавиться ни от сомнений — первой черты интеллектуального мышления, ни от магической власти знания, ни от навыков пылливой умственной работы. Как ни воспален его мозг, он не может принять на веру очевидные, с его точки зрения, нелепости Библии. Вот батюшка Владимир, «отец-парнишка», так жалобно верующий, так надрядно надеющийся, — тот берет все в святом писании, до последней буквы. Для него сомнения — проявление дьявольской воли. Между ним и Рыльниковым происходит по этому поводу примечательный спор.

«— Неужели богу интересней иметь дело с безмозглыми дураками?»

— А вы забываете, что Христос сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное»?

— Это звучит для меня как оскорбление Христа. Выходит, он настолько не уверен в себе, что предпочитает блаженных и юродивых нормальным людям, бессмыслицу — мысли.

— Но это же вопиюще! Вы, оказывается, неверующий! — выкрикнул отец Владимир».

Меткое определение. Доверить ему можно больше, чем некоторым признаниям самого героя. Ведь Рыльников все время (а не только перед концом своей «командировки»), раздумывает, сопоставляет, анализирует, разламывает догмы веры. Долговременность бессмысленного существования таракана, например с точки зрения религии, значит, надежнее, правдивее, истиннее, чем у меня жизнь мыслящих существ? Сестра

Анна с категорической резкостью зачисляет Рыльникову в ряды «книжников и фарисеев», и ее суждение не лишено резона. Нищие духом... Чуждо это Юрию, далеко от него. Он действительно «книжник», знанием опровергающий фантазии. Да: он человек легко возбудимый, неуравновешенный, подверженный душевной экзальтации. И тем не менее не способен он прийти в то особое экзистенциальное состояние, которое верующие называют «духовным озарением», «просветлением благодати». Один лишь раз он молится, но молитва его имеет вполне земную реальную подоснову — это как бы «доклад» богу о своих желаниях и сомнениях. По этой же самой наклонности все анализировать не может он принять христово руководство насчет «блаженных». И не только разум, но и нравственные убеждения мешают сделать ему это. Юрий отчетливо видит, что «нищие духом» — сырой пассивный материал истории, материал, из которого любой авторитет может выкраивать для своих нужд по любой мерке. Тут выступает и ясная гражданская позиция Рыльникова.

Читателя Серебrenникова из Свердловска задела слова В. Тендрякова о «болезни» героя «Апостольской командировки», такие строки повести: «У большинства она (эта болезнь) проходит как легкое недомогание, но порой она жестоко калечит, плодя по свету духовных инвалидов и самоубийц. Время излечивает от этой болезни, но не всегда...». Автор письма полагает: «Верующие могут сказать, что лучше бы не кощунствовать. Неверующие могут сказать: как можно верить в бога, которого не знает, не ощущает».

Юрий Рыльников перенес не ту болезнь, которая требует помощи доктора-психиатра. Он перенес болезнь духа, тяжкое испытание духа. И в этом смысле он излечивается... Не слишком ли быстро? Не для счастливого ли «итога» повести это сделано? Нет, такой поворот событий не назовешь искусственным. Прежде всего потому, что новая фаза нравственной жизни героя подготавливалась издавна, тем самым противоречием, которое сперва направило его к богу. Рассеялись иллюзии: в боге Юрий жаждал найти разрешение человеческих проблем, а понял, что религиозная идея требует абсолютного служения себе. С помощью веры думал он найти дорогу к людским душам, но вполне прочувствовал, с какой жесткостью противостоит эта новая для него доктрина человечески непосредственному, трепетному, живому. История Юрия Рыльникова — это история человека, который по внешности, чисто внешне исповедовал материализм, поскольку он общепринят, человека, который столь же внешне служил обществу, не отдавая себе отчета в действительном содержании этого служения. Именно поэтому огромное место в разрушении

религиозной иллюзии играют его беседы с Густериным, кладущие начало глубоко внутреннему его повороту к осознанию своей действительной, а не формальной связи с жизнью общества. А поворотным моментом в событиях оказалась память о семье, о любящей и любимой Инге, о веселой дочурке Танюшке. Религиозная мысль о «всеобщем» обрывала те реальные нити, в которых он как личность только и мог утвердить свое бессмертие. Для Красноглинки Юрий Рыльников только «анекдот». Для близких он опора. Для общества он полезен или бесполезен, работорник на общее дело или накладной расход... Вот в чем пафос, внутренняя струна «перерождения» Юрия. В этом богатейшая эмоциональная идея повести: «жизненное и эмоциональное» не противоречит «идейному и логическому» в ней, а дополняют друг друга диалектически.

Действительно, не следует идеализировать характер главного героя «Апостольской командировки». Не делает этого и писатель. Он показывает натуру противоречивую, мятущуюся. Но ему дорога искренность Рыльникова, и, конечно, более всего заботит его вопрос: к чему прилепится эта живая человеческая душа? Острым чувством гражданской, идеологической, нравственной ответственности продиктованы строки «Апостольской командировки». И если отвлечься от произведения В. Тендрякова, взглянуть на вещи шире, то нельзя не заметить тех реальных обстоятельств, которые взволновали писателя, приковали к себе его внимание. Юрий Рыльников — типичный пример человека, который не был атеистом, который является продуктом не антирелигиозного, а только безрелигиозного воспитания. Люди, подобные ему, в первые обратившись к Библии или проповеди, читают и слушают слова «гуманизм», «правда», «добро», удивляются, что в религии «не все» примитивно и глупо и... капитулируют перед в с е м этим. Не вооруженные знанием истории и философии религии, они представляют из себя нечто вроде табула раза — чистой доски, на которой опытный богослов легко выведет первые буквы веры. Закрывать глаза на эту возможность — не значит ли волевым-неволевым способствовать активизации религиозной идеологии?..

И еще один важный вывод следует сделать из «Апостольской командировки». Автор прямо говорит о том, что любое заигрывание с религией в ее утонченных философских формах толкает человека в объятия той самой обыденной поповщины, которой так ужаснулся Юрий Рыльников. Можно сказать, что писатель проиллюстрировал здесь известное положение В. И. Ленина о связи всякого идеализма с поповщиной. В. Тендряков, много лет отдающий свой талант антирелигиозной теме, указывает на эту опасность; тем самым повесть служит последовательно материалистическому воспитанию трудящихся.

Новинки литературы

С. Ф. АНИСИМОВ. ЦЕННОСТИ РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ. Критика христианского истолкования и использования ценностей жизни и культуры. М., изд-во «Мысль», 1970, 183 стр., 7 000 экз., 73 коп.

А. В. БЕЛОВ и А. Д. ШИЛКИН. Религия в СССР и буржуазные фальсификаторы. М., изд-во «Знание» (Серия «Естествознание и

религия», № 9), 1970, 32 стр., 44 400 экз., 6 коп.

В. А. БЕЛЯКОВ. ВО ИМЯ РАЗУМА. Записки старого атеиста. Воронеж, Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1970, 78 стр., 4 500 экз., 10 коп.

К. А. МАЛЫГИН. ЧИСЛО ПРОТИВ КРЕСТА. Куйбышев, 1970, 110 стр., с илл., 5 000 экз., 20 коп.

В. И. НОСОВИЧ. ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ. Л., Лениздат, 1970, 68 стр., 25 000 экз., 11 коп.

В. ПРОСКУРОВ. ОТ МРАКА К СВЕТУ. Записки пропагандиста атеизма. Куйбышев, 1970, 79 стр., 4 000 экз., 9 коп.

А. И. ЭДЕЛЬМАН. СОВРЕМЕННОСТЬ И ИУДАИЗМ. Ужгород, изд-во «Карпаты», 1970, 96 стр., 8 000 экз., 20 коп.